

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
В68

Павел Волчик
Полудницы

Иллюстрация и дизайн обложки *Василия Половцева*

Волчик, Павел.

В68 Полудницы : [роман] / Павел Волчик. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Изнанка темноты).

ISBN 978-5-17-152034-2

В жарком мареве плывут огненные силуэты. На полях остаются выжженные следы.

В мирном крае Адыгеи поселяется с женой и детьми бывший военный хирург. Тревожные слухи о загадочных существах, блуждающих по округе, мало волнуют доктора, но исчезновение дочери заставляет его броситься в погоню за таинственными силуэтами. В поисках ребенка доктору помогает отряд случайных добровольцев: Азим — местный библиотекарь, его внук Дэн и Гульшан — врач местной больницы. Вскоре им открывается, что дочь доктора — не единственный пропавший ребенок. Преследуя горящие фигуры, поисковый отряд пересекает горные реки, спускается в глубины древних курганов и сталкивается с грозными силами, стоящими за появлением полудниц.

УДК 881.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-152034-2

© Павел Волчик, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Ее тело источало свет.

В груди раскаленным ядром пылало сердце. Лучи пронизывали кости, нервы и кожу, вырывались наружу тонкими струйками чистой энергии. Она бежала, почти не касаясь земли. Она не замечала, как тлеют травинки от прикосновения ее голых ступней, как дымится и вспыхивает пламенем терновник.

Бронзовая змейка, дремавшая на пригорке, подняла голову. В зеркальной роговице заплясал огонек. Глаза рептилии улавливали тепло окружавших ее предметов и существ. Движущийся навстречу силуэт белел как молния в ореоле кроваво-желтых всполохов. Он мог обжечь, испепелить. Владычица холмов зашипела, скользнула под камень, спряталась в прохладной тени.

За первым силуэтом пронесся второй, третий... Гюрза не двигалась, загнипнотизированная танцем солнечных тел.

Они не водили хоровод, не пели грустных песен. От них не пахло сладким мускусом и потом, как от иных двуногих. И все-таки они напоминали людей.

Одна из фигур склонилась над ручьем. Ее лицо исчезло за клубами пара. Змея не слышала, как существо глотает воду, но дрожь, исходившая от раскаленного тела, распространялась по земле.

Жажда, чудовищная, неутолимая, гнала пылающие силуэты на восток. Туда, где квохчет мотор, звякает колодезная цепь и скулит собака. Туда, где воздух пахнет коровьим навозом и свежестругаными досками. Туда, где вьется в небе воздушный змей, скрипят качели и звенит колокольчиком детский смех...

Мерцающая лаковой чешуей, змейка выползла из укрытия. Вытянула раздвоенный язык и коснулась отпечатка голой ступни на песке. Довольная, она юркнула в горячий след, свернулась клубком, блеснул глаз с прозрачным веком. Палило солнце, быстро нагревая ее остывшую кожу.

Залаяла собака. Перестали скрипеть качели. Оборвался детский смех.

Глава 1

Черный след

Солнце стояло в зените. Тысячи желтых глаз с черными зрачками, не мигая, следили за светилом.

Крепкий мужчина в легкой рубашке то и дело закатывал сползающие рукава, в задумчивости разглядывал усеянное подсолнечниками поле. Цветы расплывались в мареве, и казалось, что по полю растекается сливочное масло.

Сухой воздух обжигал ноздри. Пылала обгоревшая кожа на шее, словно ее намазали перцовой мазью.

Еще немного, и подует ветер, зашелестит сухими листьями. Не может он исчезнуть так надолго. Хватит ему носиться по снежным вершинам и выть в ущельях. Хватит лепить пенных барашков из морских волн. Пора возвращаться из отпуска.

— Илий! — позвал мужчину высокий голос.

На лбу выступило несколько капель пота. Илий провел рукой по лицу, повернулся на звук.

— Надень кепку, Илий! А то рухнешь здесь, и урожай будет тебе не нужен.

На этот раз голос прозвучал ниже и грубее. Илий даже удивился, что спутал его с женским. Когда он обернулся, узнал Азима, местного библиотекаря.

После того как Азиму перевалило за шестьдесят пять, он начал быстро набирать вес.

У библиотекаря были грустные темные глаза, обвисшие щеки и нос, как у хищной птицы. Кудри, влажные от пота,

выбивались из-под шляпы. Голос Азима часто давал петуха — вот почему Илий принял его за женский. Азим приклонил велосипед к круглому животу и дергал пуговицу на рубашке — с такой силой, словно собирался ее оторвать.

— С детства не помню, чтобы в наших краях стояла такая жара.

Илий не был родом отсюда, с юга, и поэтому отметил, что Азим сказал «в наших краях». Сюда Илий приехал с семьей всего лишь пять лет назад. Или шесть?

Он надел кепку, согнулся и потрогал пальцами землю. Она была сухой, как слоновья кожа, хотя сегодня Илий специально встал ни свет ни заря, чтобы хорошенько полить поле.

Все-таки ему не везет. Всякий раз, когда он пытается жить как гражданский, а не как офицер, жизнь ставит ему палки в колеса. Наверное, нельзя просто взять и превратить руки военного хирурга в руки крестьянина.

— В этом году я уже остался без кукурузы, — продолжил Азим и провел пальцем по пыльной велосипедной раме. — На зарплату библиотекаря здесь не проживешь. Но картошка в порядке, и виноград, надеюсь, выживет.

— Мы поделимся, если что... — тихо сказал Илий.

Азим усмехнулся.

— У вас двое детей. Вы думаете, я не знаю, что такое дети? Сам вырастил троих. Они по размеру как полчеловека, а едят вдвое больше.

— Смотря какие дети, — ответил Илий.

Библиотекарь окинул собеседника коротким взглядом.

— Вы совсем перестали заходить. Я, честно сказать, был рад, что у нас появился постоянный читатель. Хоть перекинешься парой слов с образованным человеком.

— Совсем нет времени. Вы же знаете, «что такое дети».

— Знаю-знаю, всем нам еще приходится заботиться и об урожае. Но если время появится, то я уже приготовил вам подборку последних медицинских статей, и по сельскому хозяйству найдутся дельные книги.

Азим часто задыхался. Выглядел он как фрукт, из которого медленно выдавливают сок.

— Вам плохо? — спросил Илий.

— Бывало и получше.

Библиотекарь вытер лицо платком.

Павел Волчик

— Вы почти не потеете, Илий. Наверное, ваши дальние предки из Африки.

Впервые за весь разговор доктор улыбнулся.

— Мои предки с севера. Привычка... Знаете, сколько пота выходит, когда целые сутки оперируешь? У меня, наверное, пот закончился.

Азим облизал сухие губы.

— А я так и не привык, хоть и живу в Адыгее с рождения. Давайте уйдем в тень. Это солнце меня убивает.

Но уйти в тень они не успели. Там, где проходила проселочная дорога, далеко в воздухе, повисла токая серая струйка дыма. Илий потянул носом.

— Что-то горит.

— Только пожара нам не хватало. Давайте я съезжу и посмотрю.

Библиотекарь попытался сесть на велосипед. Но оступился и чуть не упал.

— Вы слишком устали. Не стоило вам выходить из дома в полдень. Дайте руку. — Доктор проверил пульс. — Тахикардия. Вы давно проверяли сердце?

Азим кивнул.

— Вы же знаете, у меня нет машины, а пока доедешь своим ходом до города...

— Тогда поедем на моей. Я остановился вон за той изгородью.

— А как же велосипед?

— Спрячем его на время здесь. Вокруг все равно никого нет.

Джип превратился в доменную печь — пришлось ждать, пока горячий воздух покинет салон. Но несмотря на все проволочки, они все равно быстрее добрались бы до очага пожара на машине, чем пешком или на велосипеде.

Илий включил кондиционер.

— Дышите чаще и помассируйте вот здесь.

Доктор показал Азиму болевую точку на руке.

— В бардачке вода. Если бы у нас был лимон... Вода с лимоном помогает при споях в сердечной мышце.

— Не беспокойтесь. Мне уже лучше. От холодного воздуха мне гораздо лучше.

Они поехали по дороге, поднимая облака пыли.

Доктору казалось, что подсолнечники поворачивают вслед машине головки своих соцветий и следят за ними. Он тряхнул головой — отогнал наваждение.

Струйка дыма стала тускнеть, а потом совсем исчезла.

Илий зрительно отметил место, где видел серое облачко, и прибавил газу.

Джип остановился на краю дороги. Доктор быстрым движением отстегнул ремень и вышел из автомобиля.

— Я пойду с вами, — пропыхтел Азим. — Пожар одному не потушить.

— Пожара уже нет, — ответил Илий, щурясь. — Оставьте дверь открытой. Если будет нужно, я вас позову.

Даже сквозь подошвы Илий ощущал, как раскалился дорожный песок. Он сместился на обочину и пошел по скошенной траве, внимательно разглядывая землю. Следов гари видно не было. Справа от него безмолвной шеренгой выстроились подсолнухи. У растений нет глаз. Почему же у него ощущение, что за ним наблюдают?

Доктор оценил расстояние до пожарного водоема и, проходя мимо, набрал ведро воды.

— Илий! — снова услышал он высокий голос. И опять по ошибке решил, что это кричит женщина.

Он обернулся и увидел библиотекаря, который стоял на обочине, указывая на землю рукой. Значит, Азим все-таки не послушал его и вылез из машины!

Доктору потребовалось время, чтобы дойти до него с полным ведром воды.

— Здесь. Возгорание началось отсюда. К счастью, до поля огонь не добрался. Чудеса!

Илий разглядел черное пятно, расплзшееся по соломенной щетке, которая осталась после недавней косьбы. Сухие травинки вокруг все еще тлели. Он медленно, тонкой струйкой, вылил воду по кайме черного пятна. И только тогда заметил нечто странное, что сохранил в памяти как образ, но о чем решил не говорить библиотекаря.

Они сели в джип и не торопясь поехали назад. Теперь Илий чувствовал, что жара мучает и его тоже.

Они молчали, пока Азим не спросил:

— Вы обратили внимание, какой формы было это пятно?

— Обратил, — признался доктор.

Павел Волчик

— Это, конечно, не тест Роршаха с кляксами, но все-таки — вас ничего не смутило?

Доктор кивнул.

— И что же вы видели? — Азим облизал сухие губы.

— Чей-то силуэт. Мужчины или женщины. Выжженный след, по очертаниям напоминающий человека в позе эмбриона.

Азим вздохнул, откинулся на спинку кресла.

— Точное описание. Спасибо. А то я думал, что мне голову напекло.

Глава 2

Предчувствие

Когда Илий подходил к дому, жара достигла своего пика. Бетонная площадка с баскетбольным кольцом раскалилась. Белый свет слепил глаза.

Тишина во дворе тревожила. Дети не бегали по лужайке с криками. Елена не развешивала на веревках выстиранное белье.

«Наверное, все спят».

Безмолвие нарушил резкий стрекот цикад в кустарнике. Раньше эти маракасы веселили доктора и напоминали ему о том, что он живет на юге. Теперь трескотня насекомых звучала привычным фоном — никакой экзотики.

Доктор поднял с земли поливочный шланг и повернул вентиль. Вода, нагретая солнцем, обжигала, и ему пришлось подождать, когда заструится холодная.

Под колено ткнулось что-то мягкое и влажное. Доктор вздрогнул, но прежде, чем обернулся, узнал Галена. Беспородный, с острыми ушами, вытянутой мордой и тонкими лапами, пес вышел из тени и принялся облизывать хозяйину икры.

— Оставь, Гален, слышишь?

Вокруг правого глаза у пса чернело пятно. Выражение морды у него от этого получалось придурковатым и хитрым. Илий полоснул дворнягу по боку струей воды. Пес отпрыгнул и припал на передние лапы, готовясь к игре. Но доктору играть не хотелось.

— Пить будешь?

Павел Волчик

Гален подошел и принялся лакать воду, подставляя под струю длинный жадный язык.

«Пес спокоен, — думал Илий. — Значит, и дома все в порядке».

Откуда тогда эта тревога? Гадкое предчувствие?

Азим снова напомнил о прошлом полевого хирурга? Или напугал прогнозами о неурожае? Вряд ли.

Причина беспокойства — черное пятно на обочине. Причудливая горстка пепла напомнила доктору об останках солдат, которые он когда-то видел в горах после действия напалма. Там, на войне, угольные фигурки в скрюченных позах смотрелись дико — но мало ли что увидишь на месте боевых действий? Здесь, в мирном крае, никто не разгуливает вдоль поля с огнеметом. Да и кто сказал, что на обочине человеческие останки? Просто странные очертания на траве, показавшиеся двум уставшим от зноя людям антропоморфными.

Илий открыл дверь и отодвинул в сторону москитную сетку. В доме царил тишина.

Он прошел в детскую, стараясь не наступить на раскиданные игрушки, и увидел на раскладном диване семейную идиллию: Елена спала на спине, обняв двух детей, свернувшихся комочками рядом с ней по обе стороны. Ее щеки покраснелись, рот был приоткрыт. Выражение лица казалось детским. По расслабленной позе и по тому, как двигались глаза у нее под веками, Илий понял, что она давно нуждалась в отдыхе и сейчас отсыпается. Возможно, она долго укладывала детей и совсем выбилась из сил.

У Гоши, шестилетнего парнишки, волосы на висках намокли, и тонкая струйка пота медленно катилась по щеке вниз, к шее. Зарина обняла маму за руку, как игрушку, и беспокойно дышала во сне. Ей всего два.

В комнате было душно. Илий тихо подошел к стойке и включил вентилятор, на самый минимум, чтобы звук не разбудил спящих.

Затем он бесшумно пробрался на кухню, поборол в себе искушение выпить кружку обычной воды и выпил только полстакана минеральной.

Жажда сразу утихла.

Илий достал из ящика набор нитей разной толщины, лоскуты тканей, изогнутые иглы и принялся вязать хирур-

гические узлы. Он продолжал практиковаться в ремесле, хотя не был уверен, что однажды вернется к операциям. Просто привык держать себя в форме, и пальцы сами просили работы. К тому же, когда доктор вязал узлы, в голове почти не оставалось мыслей и неприятные воспоминания не мучили его.

Завершая обвивной шов, он ошибся, выругался и начал снова.

Так незаметно прошел целый час. В дверь постучали.

Илий поспешил открыть — тишина в доме такая редкость: пусть дети еще поспят.

На пороге стоял Дэн, подросток с соседней улицы. На нем была мятая футболка, явно нуждавшаяся в стирке. На кончике носа еще виднелась ссадина от падения с велосипеда, когда он, поспорив с местной ребятней, съехал с горы по разбитой асфальтовой дороге. Велосипед влетел в яму, и остаток пути Дэн пропахал на животе.

Все кости у парня остались целы. После того как Илий осмотрел рану и сказал, что накладывать шов не имеет смысла, Дэн его зауважал — предложил дать пять его окровавленной и грязной руке. Несмотря на ободранные губы, парень без умолку болтал. Юный экстремал признался, что, как только физиономия заживет, он снова попытается съехать с Ореховой горы. Илий обработал рану и предложил Дэну проверить наличие оставшегося мозга в черепной коробке. Парень держался молодцом, на предложение не обиделся и честно признался, что пусть небольшой, но мозг там сохранился.

На этот раз Дэн приехал на дедушкином велосипеде, его собственный почил в канаве у Ореховой горы.

— Привет, Илий. Че творишь?

— Жду тебя в гости.

— Я серьезно! Мне ж интересно.

— Вяжу узлы.

— Снова? — Глаза у парня вспыхнули от любопытства. —

Когда ты уже меня научишь?

— Когда ты перестанешь заходить без приглашения.

— Сыграем сегодня в баскет?

— Издеваешься? В такую жару...

— Ну, я, типа, из вежливости предложил.

— Угу.

Доктор вышел на крыльцо, прикрыл за собой дверь.

Павел Волчик

— Как дела у деда?

— А что? У него все в порядке...

— У него слабое сердце. Сегодня днем он выглядел скверно.

Парень отошел в сторону, схватился за железную трубу над козырьком и повис сарделькой.

— Все только и болтают про эту жару. А, по-моему, летом это обычное дело.

Он попробовал подтянуться, попытался немного и спрыгнул на доски.

— Дед рассказал мне про странное пятно, которое вы видели возле поля. Будто там человека выжгло солнцем. Представляю себе! Инопланетяне прилетели с гигантской лупой и направили луч на местного тракториста. И он такой: «Не-е-ет!»

Дэн упал на колени и начал корчиться, вытягивая руки. Его это очень смешило.

— Ну, ты и балбес... — сказал доктор. — Я думал, после падения с горы у тебя еще что-то осталось в башке. Ошибся.

— У нас в школе драмкружок. Должен же я летом практиковаться.

— Практикуйся без свидетелей.

Парень поднялся на ноги, стал серьезным.

— Пить охота.

— Есть минералка и лимонад.

— А что-нибудь покрепче?

— Ты начинаешь доставать.

Дэн подошел к псу, спящему с высунутым языком в тени. Почесал его за ухом, приподнял лапу и посмотрел, как она бессильно упала на землю.

— У деда в одной книге было написано, что собаки не потеют. Все, что они испаряют, выходит через рот и язык. Это правда?

Доктор вздохнул:

— Не знаю. Я не ветеринар.

Парень хитро посмотрел на него:

— Поехали, посмотрим на это выжженное пятно. Меня аж распирает, так хочу его увидеть!

— Нечего там смотреть. И не трепли языком!

— Да ладно. У нас даже поселок называется Мирный. Нечего делать. Скучно же! Тебе тоже скучно, работы небось нет... Иначе ты бы тут со мной не болтался без дела.

Он умолк, заметив, как доктор нахмурился.

— Ну что ж, — вздохнул Дэн. — Скажу прямо, я зашел, чтоб ты дал мне немного порулить на своем драндулете.

— Не сегодня. Скоро дети проснутся.

— У меня никогда не будет детей. Я слишком люблю свободу.

Дэн протянул руку ладонью вверх.

Доктор с громким хлопком отвесил ему пять.

— Не зарекайся.

— До новых встреч, папаша!

Парень вскочил на потертый велосипед и лихо завертел педалями.

Илий посмотрел ему вслед, усмехнулся и покачал головой.

Парень ищет друзей. Но и доктор отчаянно нуждается в общении. Дэн умеет внести немного хаоса в размеренную жизнь.

Илий вошел в дом, и тревожное чувство вернулось. Он вспомнил слова подростка.

«Люди замечают, что ты не на своем месте, — сказал голос внутри. — Дэн считает, что я такой же бездельник, как и он».

Однако подумав, что с утра он трудился в поле, доктор отбросил эту мысль. Что же тревожило? Может быть, голоса детей, которые уже проснулись? Их пробуждение означает, что остаток вечера Илий должен будет выносить горшки и развлекать ребятишек играми. Но иногда это даже приятно. Это не может тревожить так сильно.

Пятно возле поля... Брошенный кем-то окурок или спичка? Силуэт человека — случайность или наваждение, вызванное перегретым на солнце мозгом?

Илий стряхнул с себя тревогу, как шелуху. Бесшумно вошел в комнату и левой рукой легко подхватил девочку, пронес ее по воздуху, как жужжащий вертолет. Она весело заверещала.

— И меня! И меня! — закричал Гоша, вытягивая руки.

Илий бросил на Елену короткий взгляд, и жена ему улыбнулась. Она выглядела сонной, но вполне отдохнувшей.

К вечеру духота так и не спала. Вся семья собралась на кухне возле большого вентилятора. Елена вытащила из холодильника домашнее мороженое и большой ложкой рас-

Павел Волчик

кладывала его по блюдцам. Гоша, высунув язык, с усердием рисовал солнышко на бумаге. Листы поднимало от потока воздуха из вентилятора, он хлопал по ним ладошкой и никак не мог закончить рисунок. Маленькая Зарина, не моргая, смотрела мультики. Илий в шутку зажимал ей нос, а она, не отрывая взгляда от экрана, вяло отмахивалась.

Мороженое быстро таяло. Елена облизала ложку и сказала то ли себе, то ли мужу:

— В новостях снова говорили про аномальную жару.

— Лето есть лето, — ответил Илий.

— Соседки говорят: давненько не было так тяжело. А они живут на юге с малых лет.

Илий подошел и взял блюдца с мороженым, одну порцию он протянул Гоше, который уже бросил рисование, кусал губы и глазами голодного щенка глядел на подтаявшие шарики.

— Соседки много чего не помнят. В их возрасте жара — худший враг. Сегодня один сердечник...

На дворе залаял Гален. Доктор поставил блюдце и быстро вышел во двор. Дорога, насколько хватало глаз, была пуста. От реки, пробираясь между холмами, плыл густой туман. Илий почему-то знал, что он не принесет свежести.

Гален, почуяв хозяина, весело заколотил хвостом по доскам, глянул на пустую дорогу, наострил уши. Илий уловил в позе пса напряжение, коснулся его холки. Гален вздрогнул, поднял глаза на человека.

— Кого ты видел? — тихо спросил Илий.

Пес широко зевнул, демонстрируя влажную пасть, лег на пол и положил голову на лапы.

Доктор вернулся в дом. Жена поглядела на растаявшее мороженое, потом на него.

— Что это ты выскочил как угорелый?

— Так, решил кое-что проверить...

— Что?

Он не ответил. Взял со стола блюдце. Растекшаяся шоколадная лужица напомнила ему скорченного человечка, но тут же изменила форму.

Ночью Илий долго ворочался. Утром нужно рано встать и успеть поработать в поле, но чем больше он заставлял себя уснуть, тем меньше ему это удавалось.

Воспоминания из прошлого кружили над его постелью. В голове прокручивались сотни операций, которые он сделал, — удавшиеся и закончившиеся провалом.

Он лежал в темноте с открытыми глазами, а пальцы продолжали жить своей жизнью. Они шевелились, совершая манипуляции над телами пациентов, чинили их сломанные тела.

Илий знал, что ошибки — нормальная часть его профессии, и нельзя вспоминать о тех, кому не удалось помочь, но душная ночь напоминала ему последний контракт в Ливии.

Авиабомба, случайно или намеренно, попала в корпус, где жили сестры милосердия. Хирургу предстояли самые долгие двадцать четыре часа в жизни, и ему ассистировали еще неопытные стажеры.

После бомбежки из двадцати пяти женщин в живых остались семнадцать. Их приносили на стол, как расстрелянных лебедей, и доктор до сих пор помнил их белые изувеченные тела.

У нескольких были серьезные травмы головы, двум операцию пришлось проводить вблизи спинного мозга. Под утро голова у доктора почти не соображала, руки сами делали нужную работу: складывали воедино кости, латали сосуды, сшивали лоскуты тканей.

У последней пациентки на месте уха осталась рана, и не хватало безымянного пальца и мизинца на левой руке. По сравнению с остальными ей повезло. Доктор не помнил ее лица, но ему врезалось в память, что губы у нее шевелились, как будто она молилась.

Он помнил, как конвойный у палатки принял его за пьяного, когда он вышел на воздух, и только заметив в сумраке испачканный кровью халат, солдат извинился и ушел прочь.

Илий стоял на пригорке, не в силах поднять руки, и глядел, как утреннее солнце заливает военный лагерь. Как всегда, пострадали невинные, и как всегда, последствия войны расхлебывали не те, кто убивал и калечил.

Ему не нравилось, что солнце встает так рано. Он чувствовал его теплые лучи на своем изможденном лице. Нет ничего хуже для пациентов после операции, чем жара. Сосуды расширяются, растет вероятность кровотечений, края ран воспаляются и плохо заживают, больных мучает жажда.

Павел Волчик

Он хотел помолиться о дожде, но был так опустошен, что не нашел в себе сил.

Несмотря на усталость, количество и всю сложность операций, он был доволен своей работой. Он выложил все и сделал все, что мог. Илий уверял себя, что не пожалеет ни о чем, каким бы ни был исход.

А потом наступил день.

Жара, как огнедышащий дракон, пришла в лагерь и начала забирать жизни. Не помогали антибиотики, не действовали новейшие лекарства — последние разработки военных врачей: пациентки гибли одна за другой.

В первый день не стало десяти из них. Во второй и третий еще четырех. Илий понимал, что жизни отнимает жара, но это не успокаивало его.

Доктор видел много смертей. Эти женщины умирали странно: без криков и агонии. Просто делали глубокий вдох и, выпустив из легких воздух, замирали.

К концу недели из семнадцати пациенток выжили трое.

— Тебе заварить ромашки? — Голос Елены вернул его к настоящему. Она всегда чутко спала, когда его мучила бессонница.

Илий через силу улыбнулся, хотя она все равно не видела в темноте его лица.

— Ромашка тут не поможет.

Она погладила его по спине.

— Родной мой, как тебе помочь?

— Отдыхай. Если я буду знать, что хотя бы ты выспалась, мне будет легче.

— А ты? — сказала Елена, и по голосу он понял, что она засыпает.

— А я приму душ. Вдруг поможет.

Душ не помог. Но еще через час Илий все-таки уснул, каким-то странным поверхностным сном на грани пробуждения.